

АЛИСА
Руднева

Больше чем
БЫВШИЕ
ДА ОТТАЕТ ЛЁД

Алиса Рублева

Больше чем бывшие. Да оттает лед

«Автор»

2026

Рублева А.

Больше чем бывшие. Да оттаит лед / А. Рублева — «Автор»,
2026

— Дим, а ты хотел бы, чтобы у нас была семья? — спросила любимого, сидя за столом на кухне.— А у нас что не семья? — ответил сердито, не отрываясь от ноутбука.— Я про настоящую. Дом, дети, мы— Нет, Люд, я не хочу детей. И жениться не собираюсь. Сердце сжимается, рука машинально тянется к животу.— А если бы я уже была беременна?— А ты беременна? — Посмотрел на меня поверх очков. — Тогда сделаешь аборт! Это не обсуждается. Я ушла, так и не признавшись. Прошло пять лет. Теперь у меня есть дочь, маленькая копия мужчины, которого я когда-то любила. И судьба сводит нас снова в самом неожиданном месте. Он изменился. Стал серьезнее, и будто еще жестче. А еще он увидел мою дочь и теперь не хочет оставлять нас в покое. А я не знаю, чего ждать, если он догадается, что она от него.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алиса Рублева

Больше чем бывшие. Да оттаает лед

Глава 1

Автобус останавливается, шипя тормозами. Я поднимаюсь первой, поправляю куртку и беру дочку за руку. Она уже прыгает на месте, будто в ней пружины вместо ног.

— Плиехали! — восторженно кричит.

Холодный воздух врывается в салон, когда водитель открывает дверь. Мы выходим, и меня на секунду ослепляет белизна. Снег лежит толстым, пушистым ковром, будто на картине художника. Маленькие домики с деревянными крышами стоят вдоль аллеи под снежными шапками, чуть подтаявшими по краям, как сахарная глазурь. Между ними тянутся расчищенные серые тропинки.

А дальше виднеются горы. Высокие, широкоплечие, будто старшие братья, охраняющие эту крошечную горнолыжную базу. Солнце едва выглядывает из-за их вершин, и склоны вспыхивают золотыми отблесками.

Лиза вытягивает руку в красной варежке, показывает на них и восторженно говорит:

— Ма, смотли, голы! Настоящие!

Я улыбаюсь.

— Да... Не то, что холмики у нас в поселке.

— Я поеду на лыжах с самой высокой! Во-он с той! — дочка, широко распахнув глаза, показывает на пик.

Сажусь перед ней на корточки и поправляю шапку с помпоном.

— Когда подрастешь, обязательно. Буп! — трунькаю по чуть приплюснутому носику.

Лиза смеется.

Мы идем к самому большому домику — административному зданию над которым красуется вывеска с названием базы.

Внутри пахнет каким-то особенным запахом, присущим всем офисным помещениям: бумагой со свежей краской из принтера, деревянной мебелью и духами.

— Мы плиехали катаца на лыжах! — говорит девушке-администратору дочка, когда я беру ее на руки, потому что Лизе уж очень интересно все посмотреть.

— Какие вы молодцы! А ты уже умеешь кататься? — подключается девушка, глядя на Лизу.

— Да. Я каталас в нашем поселки луте сех!

— Умница, — улыбается девушка. — Тогда держи! — и протягивает Лизе круглый, полосатый леденец на палочке.

Дочка тут же забирает его.

— Пасибо!

Целую ее в макушку и опускаю на пол. Пока Лиза занята изучением холла и своей конфетой, я оформляюсь на заселение и получаю ключ.

— Людмила, если будут какие-то вопросы, звоните на ресепшн, телефон у вас в номере. И хорошего вам отдыха! — говорит администратор.

— Спасибо!

Мы с дочкой выходим обратно на улицу и не спеша идем к нашему домику, где планируем провести целую неделю. Я ждала возможности хоть куда-нибудь выехать из нашей Глебовки. А Лиза упрашивала, чтобы мы поехали кататься на лыжах. Сама я тот еще лыжник, но вот у дочки любовь к этому спорту в крови. Вся в отца.

Грустно вздыхаю при мыслях о бывшем, и тут же отбрасываю их, как наваждение. Вдыхаю прохладный, свежий воздух, и на нос падает пухлая снежинка, тут же растаяв. Нас с дочкой ждет отличная неделя, так что, долой плохое настроение.

Через несколько минут мы доходим до нашего домика.

“Котов не впускать” — гласит надпись на двери.

Заходим в домик, проходим по пустому коридору и открываем дверь в наш номер.

Внутри тепло. Два огромных окна на разных сторонах. Из одного из них видно склон. Пахнет деревом и стиральным порошком. В комнате одна большая кровать с белым покрывалом, деревянный стол с чашками, шкаф и тумба с телевизором. Простенько, но уютно. То, что я смогла себе позволить с моей зарплатой.

Лиза, едва я закатываю чемодан, скидывает сапожки и забегает в номер, громко комментируя каждую мелочь:

— Ма, ту лампа! Смотри, какой ковел! А можно я буду спать здесь? А можно на подоконник? Ма, тут голы видно!

Я смеюсь.

— Можно все. Только помоги маме разобрать вещи, и тогда быстрее пойдем кататься.

— Катаца! Да-а!

Лиза тут же становится серьезнее, подбегает к чемодану и тянет за молнию, чтобы открыть.

— А раздеться для начала ты не хочешь, торопыга?

— Стобы потом опять одевать?

Снова смеюсь.

— Да. А то вспотеешь и заболеешь потом на холоде.

Дочка послушно кивает.

Сначала сбрасываем уличные вещи, потом начинаем разбирать чемодан. Лиза достает все, что попадает под руку, и спрашивает, куда нести.

— Это в ванную, да? — поднимает мою косметичку.

— Да, помощница моя.

Через десять минут все вещи разложены. Даю Лизе ее комбинезон для лыж. Дочка одевается сама. Я в это время тоже переодеваюсь в более теплые вещи. Собравшись, идем на выход.

— Ма, смотри, киса! — Лиза показывает на большого серого кота с откушенным ухом, который вылизывается перед входом в столовую.

— Да. А вон еще одна, — показываю на полосатую кошку поменьше с другой стороны крыльца.

— А фто они тут девают?

— Пришли пообедать, как и мы.

— А погвадить мочно?

— Не надо, Лиз. Ты же знаешь.

Дочка вздыхает, поправляя на себе шапку.

Заходим в столовую. Там пахнет супом, выпечкой и горячим кофе. Набираем еды со шведского стола и занимаем маленький столик в центре. Лиза ест вареную картошку с курицей, болтает ногами и каждые три минуты спрашивает:

— Ма, а кода мы узе подем кататься?

Я улыбаюсь, глядя в ее большие, карие глаза. Цвет мой, а вот разрез глаз, как у Дмитрия. И взгляд такой же. Живой, внимательный.

— Сейчас доедим, и пойдем, — отвечаю, и мысленно ругаю себя. Сколько можно его вспоминать?

На улице все также падает снег, опускаясь на крыши домов и дороги крупными, ленивыми хлопьями. Мы идем по тропинке к склону. Лиза то бежит вперед, то возвращается, оставляя крошечные следы рядом с моими.

Я вспоминаю, как она еще прошлой зимой впервые встала на лыжи у нас в поселке. Сначала падала, потом у нее не получалось отталкиваться, она злилась, но все равно пробовала. И все-таки поехала. Упрямая, как...

Ой, да что ж со мной такое сегодня?!

То и дело вспоминаю бывшего. Может, из-за того, что мы с Лизой впервые на горнолыжной базе, а ее отец всегда любил лыжи? Наверное... Дима мог кататься часами, пока пальцы не занемеют. Смеялся, когда я жаловалась на холод. "Зато свобода", — говорил он, — "Смотри, как горы дышат".

Я трясую головой, будто могу стряхнуть эти воспоминания.

Мы подходим к склону, где мелькают яркие куртки и слышны голоса и детские визги, и хруст снега под лыжами. Воздух тут будто еще морознее, пахнет еловой смолой и жареными вафлями с сиропом у киоска. Лиза тянет меня за руку, подпрыгивая от нетерпения.

— Ма, смотли, какие голки! — глаза у нее сияют. — Мозно туда?

— Сначала возьмем лыжи, — отвечаю, стараясь не смеяться, — а потом решим, какие горки нам покорить.

Заходим в небольшое здание из сруба, стоящее у подножия горы. Тут и кафе, и комната отдыха и прокат. Внутри тепло, играет тихая музыка. На стене за кассой висят ровные ряды лыж. Усатый, пожилой мужчина с добрым лицом помогает подобрать Лизе комплект, и она остается в восторге от ярко-розовых, переходящих в оранжевый, лыж.

— Эти мои, — уверенно заявляет, когда я выбираю свои.

— Конечно, твои, — улыбаюсь.

Через несколько минут мы уже подъезжаем к детской горке. Она около метра высотой, с плавным спуском. Лиза встает на лыжах на ее вершине, держась за мои руки, смешно шатается, но не падает.

— Колени чуть согни, вот так, — показываю. — И не бойся, снег мягкий.

— Я и не боюсь, — отвечает, смеясь. — Я же сполменка!

Солнце пробивается сквозь облака, падая на нее. Щеки розовые, глаза сияют, шлем и плечики в снежинках. Я отхожу, смотрю, как она скатывается и снимаю на камеру, чтобы отправить видео маме.

— Молодец, Лизок! — кричу.

— Еще хотю!

Она поднимается на горку снова и снова, неутомимая, будто маленький комочек энергии.

Потом взгляд дочки вдруг цепляется за соседнюю горку. Ту, что чуть выше, метра два, но тоже пологая. На ней катаются ребята постарше.

— Ма, а мозно туда? — спрашивает, делая самые большие глаза на свете.

— Она повыше, — говорю настороженно. — Может пока на этой?

— Ма, ну позалуса! Я же узе умею! Ты сама видева! Я остолозно, честно!

Она складывает ладошки, кланяется, как маленькая актриса, и я не выдерживаю. Ее настойчивость поражает.

Еще раз смотрю на горку. Она полностью безопасна. Даже если Лиза не устоит и плюхнется в снег, она не успеет разогнать большую скорость. Так что, ничего страшного не случится. Да и первое, чему я ее учила, когда она только встала на лыжи, это правильно падать.

— Хорошо, — вздыхаю.

— Ула! — кричит дочка подпрыгивая, и уже карабкается наверх.

Я включаю камеру на телефоне. Вижу, как Лиза уже уверенно ставит лыжи носами к спуску, выпрямляется на вершине — маленькая, решительная, яркая в своем оранжевом комбинезоне на фоне белого снега.

— Готова? — кричу ей.

— Готова! Смотри на меня, мам!

Она толкается палками и скользит вниз. Медленно, уверенно. Снег шуршит под лыжами, скорость набирается. Дочка вся сосредоточена, как маленькая спортсменка на соревнованиях, будто хочет пройти эту горку идеально, не упав. Я снимаю, смеюсь, чувствую, как сердце переполняет гордость.

Лиза скатывается с горки, но не тормозит и едет дальше.

— Тормози! — кричу.

Бах!

Дочка врезается в проходящего мимо мужчину.

У меня сердце заходится. Выключаю камеру и бегу к ним.

— Лиза, — бросаюсь к ней, даже не глядя на прохожего, сажусь на корточки и осматриваю дочь.

— Не ушиблась?

— Не, — мотает головой.

— Чего же ты не затормозила?

— Ну я та-ак холошо катилас. Не видева дядю. Но он меня поймав. — Она поднимает глазки на мужчину в серебристой куртке.

Я поднимаюсь.

— Извините, она просто... — начинаю говорить мужчине, смотрю на него и слова застывают на губах. — Мы...

Не могу поверить своим глазам.

Передо мной стоит Дмитрий.

Мой бывший.

Отец Лизы.

Который не знал о ее существовании.

Глава 2

Снег вокруг будто перестает падать. В ушах начинает шуметь кровь. На секунду мир перестает существовать. Есть только его лицо, которое я старалась забыть все эти годы.

И сердце уходит в пятки.

Произносим одновременно.

— Дима? — говорю, не веря, что с моих губ срывается его имя.

— Люда? — Смотрит на меня, подняв брови.

Оглядываю бывшего за пару секунд, как сканер.

А он похорошел, возмужал еще больше. В свои тридцать пять выглядит лет на пять-семь моложе. Из-под черной спортивной шапки выбивается прядь угольно-черных волос. На подбородке густая щетина. Зеленые глаза все такие же внимательные, умные, живые. Только фигура изменилась. Он стал крупнее. У Дмитрия и пять лет назад была спортивная фигура, но сейчас очевидно, что к лыжам добавился еще и другой спорт.

Дмитрий смотрит на меня. Потом на дочь. На свою дочь. Потом снова на меня. И его взгляд становится нахмуренным, серьезным.

Лиза берет меня за руку и с интересом разглядывает незнакомого дядю. Дочка открывает рот, и я понимаю, что она хочет что-то спросить. Сердце у меня разгоняется до немыслимой скорости. Я не рассчитывала увидеть Дмитрия. И уж точно не хотела, чтобы он знал о Лизе.

— Погоди, — останавливаю ее резко, пока она ничего не сказала.

Дочка у меня хоть и упертая, но послушная. Сразу замолкает.

Дмитрий снова смотрит на нее, и его взгляд на секунду теплеет. Видимо, при незнакомом ребенке он не покажет своего жестокого характера.

— А это что за маленькая лыжница с тобой? — спрашивает у меня улыбаясь. Но я вижу за этой улыбкой его настороженность.

А у меня внутри начинает klokотать злость, потому что пять лет назад!

Он погряз в работе. Мы встречались год и уже жили вместе. Я была юной и наивной двадцатилетней девчонкой, которая верила в любовь и мечтала о красивой свадьбе. А он, тридцатилетний серьезный мужчина, умный, обеспеченный и холодный, по большей части занятый бизнесом и мечтавший разбогатеть еще больше.

Мы были из разных поколений, из разных социальных слоев, будто из разных миров, но нам было хорошо друг с другом. Мы узнавали через друг друга новое, всем делились. Дима был часто занят, но то время, что мы проводили вместе, было самым счастливым для меня.

Бывший был скуп на комплименты, но зато любил порадовать меня действиями. То в ресторан пригласит, то сумочку подарит. А как он безуспешно учил меня кататься на лыжах... Столько времени ушло, даже весело было, хоть у меня все равно выходило плохо, но тем не менее... это были незабываемые моменты, и это дорогого стоит.

А потом я узнала, что беременна.

Сходила на УЗИ, убедилась наверняка и только тогда решила рассказать любимому. Как сейчас помню тот день. Мы сидели на кухне, и я завела разговор издалека.

— Милый, а ты хотел бы, чтобы у нас была полноценная семья?

— А у нас что не полноценная? — посмотрел на меня поверх очков, оторвавшись от ноутбука.

— Мы не женаты, — произнесла осторожно. — А значит, еще не семья. Я имею в виду: ты, я, наши дети... большой дом. Хотел бы?

— Опять ты со своими абстрактными разговорами, — разозлился. — Если бы, да кабы, да во рту росли б грибы... Не отвлекай меня от работы, Люд! Нет, я не хочу детей. И жениться нам пока рано! Сначала работа и деньги, потом все остальное.

Мне так больно и обидно в тот момент стало. Слезы подступили к глазам.

— Как ты можешь так говорить? А если бы я незапланированно забеременела, например? Хочешь сказать, не обрадовался бы?

Он снял очки и так посмотрел на меня. Как на идиотку. До сих пор помню этот взгляд.

— Конечно не обрадовался бы, Люд! Какой нам сейчас ребенок? Мы всего год встречаемся! Работать надо! Хватит выносить мне мозг.

— И что мы бы делали, если бы я все же забеременела? — уточнила почти плача.

— Люд, ты беременна? — спросил серьезно, уперев ладонь в колено, сидя вполоборота ко мне.

— Нет, — соврала я.

— Тогда хватит обсуждать это. Сделала бы аборт.

У меня перехватило дыхание.

— Ты бы отправил меня на аборт? Убить нашего ребенка?

— Люд, ты что хочешь от меня услышать?

— Правду.

— Да, отправил бы! Это разумно в нашей ситуации. И это не обсуждается.

— Я бы ни за что не сделала аборт! — вскочила.

— Сделала бы, как миленькая. Дети мне сейчас не нужны!

Я поняла, какая участь ждет моего ребенка и просто не смогла остаться.

Мне не нужен такой мужчина.

Мы с Дмитрием расстались. Я уехала к маме в родной поселок. А потом родилась Лизонька. Мое чудо.

А теперь Дима смотрит на мою дочь с улыбкой, и еще смеет что-то спрашивать о ней! Прибить его мало!

— Не твоё дело, — отвечаю жестко.

— Это твоя дочь? — не отстает. — Сколько ей лет?

К счастью, Лиза не влезает в разговор.

— А фто там? — дочка уже сосет леденец, который достала из кармана, и показывает на снеговика у здания проката.

— Иди посмотри.

Дочка убегает, а я расправляю плечи и смотрю на Дмитрия.

— И кто отец твой дочери, Люда? — спрашивает с нажимом.

У меня сердце заходится еще быстрее. Он не хотел детей. Я родила в тайне от него. Но что он может теперь сделать? Не захочет же он наказать меня за обман?

Или захочет?..

— Это моя племянница, — отвечаю чуть погодя.

Бывший качает головой и произносит с сарказмом:

— Надо же... Это какая? Дочь двоюродной сестры? А так на тебя похожа.

— Не зря мы родственники. Нам уже пора. Не могу сказать, что была рада встрече.

Я разворачиваюсь и ухожу со страхом в сердце, что сейчас Дмитрий меня поймает. Дохожу до домика и оборачиваюсь. Бывший так и стоит на месте и не сводит с нас внимательных глаз.

Я хватаю Лизу за руку.

— Пойдем, Лизонька, — говорю нарочито спокойно. — На сегодня хватит. А то переохладишься и заболеешь.

— Но, ма, я токо тю-тють! — тянет она, оборачиваясь.

— Все, Лиз, — отрезаю.

Мой голос звучит жестче, чем хотелось бы, но внутри все бурлит. Руки дрожат, сердце колотится, будто я только что сбежала от чего-то опасного. А может, и правда сбежала.

После проката мы идем к домикам, ветер поднимает с сугробов снег, хлещет по лицу, но я не чувствую холода. Только боль. Ту самую, старую, от которой, казалось, давно избавилась.

Пять лет назад я думала, что больше не встречу его. Что он останется где-то в той жизни, где я наивно мечтала о любви, а он о деньгах.

Я помню, как сидела на кухне у мамы, с грудной Лизой на руках, и не знала, как дальше жить. Денег не было. Я без работы, мама обычный продавец в местном продуктовом. Мы продавали украшения, чтобы купить кроватку и пеленальный столик. Одежду и игрушки собирали по знакомым. Я вышла на работу, когда дочке было всего шесть месяцев, чтобы у нас были деньги. Мама сидела с Лизой, а когда не могла, приходилось просить помощи у двоюродной сестры. Было тяжело, но мы все равно справились.

Лиза выросла чудесной, доброй, любознательной и активной девочкой. Моя радость, мой мир.

А теперь этот человек, который был готов убить нашего ребенка, имеет наглость задавать мне вопросы, выясняя про Лизу.

Он даже не пытался меня удержать, когда расставались. Он не хотел ни меня, ни ребенка. А теперь говорит со мной, как будто ничего не было.

Мы с дочкой доходим до номера, переодеваемся и отдыхаем.

Вечером лежим в кровати.

— Ма, только не выключай ночью лампу. Холосо?

— Конечно, милая.

Дочка засыпает у меня под боком, обняв мягкого медвежонка. Телевизор бубнит что-то фоном, но я не слышу. Я думаю об одном: мы должны уехать. Прямо завтра. Пока он не влез и не успел снова разрушить мою жизнь.

Утром Лиза просыпается раньше меня. Щекочет мой нос своим пальчиком.

— Буп! Ма, а можно поката на санках сегодня?

Я поднимаюсь на локтях, смотрю на нее сонно.

— Лизок, нам придется уехать домой сегодня.

Глаза дочки мгновенно становятся большими и влажными.

— Ма... Ну, позавута! Не надо... Я плохо себя вева? Это из-за тово дяди, котолово я сбива?

У меня сердце в груди сжимается. Дочь так хотела этой поездки, так ждала.

— Лизонька, ты не виновата. Приедем в другой раз.

Дочка шмыгает носом, а потом начинает плакать.

— Ну ма-а-ам... — говорит сквозь рыдания. — Я же не плюстыва! Затем нам уезать? Ну позаста-а-а... Хотеф, я надену две фapки...

Я вздыхаю.

— Ладно. Давай сходим на пешую тропу поката на санках. Но потом уедем. Вернемся в другой раз, Лизонька.

Дочь продолжает шмыгать носом и тереть глазки.

— Не хотю уезать...

— А на санки хочешь?

— Хотю, — смотрит на меня большими влажными глазами.

— Тогда давай собираться.

Она часто кивает.

Пока я одеваю теплые штаны, Лиза уже застегивает сапоги, сидя на полке шкафа. Глаза у дочки все еще грустные. Может, я погорячилась? Номер уже проплачен. Деньги нам никто не вернет. И все же, оставаться здесь — это значит рисковать снова встретить Дмитрия. Не дай бог он начнет копать, догадается и захочет мне отомстить. По его глазам видела, он уже мне не поверил про племянницу. Но и база огромная. Вероятность снова наткнуться на него ничтожно мала.

Я даю себе время на подумать. Приму решение после прогулки. Автобусы ходят регулярно, так что успеем уехать в любой момент.

После завтрака берем на прокат красные санки, и уже через несколько минут шагаем по пешей тропе, которая тянется через лес и заснеженные холмы, петляя вокруг базы.

Снег хрустит под ногами, деревья стоят укутанные в белые шали. Ветки елей прогибаются под тяжестью снега, будто кланяются нам. Воздух пахнет морозом и хвоей, где-то вдали слышен детский смех и голоса.

Везу Лизу на санках минут тридцать, потом она слезает и тащит их сама, шагая рядом со мной. Задумчивая, серьезная. Будто ищет причину нашего отъезда в себе.

— Мам, а хочес, я тебя покатаю, если ты устава?

Я смеюсь.

— Какая же ты у меня добрая, дочка. Нет, я не устала. Лучше ты садись, я тебя покатаю.

Она уже готовится садиться, когда за спиной раздается низкий, знакомый голос:

— А хотите, я вас обеих покатаю? Садитесь.

Я замираю. Сердце гулко ударяется в груди. Медленно оборачиваюсь.

Дмитрий стоит на тропе, высокий, в черном пальто поверх костюма. Смотрит хмуро, исподлобья. В глазах нет ни теплоты, ни растерянности. Только злость.

— Ты следишь за нами? — спрашиваю почти ровно.

— Представь себе, нет, — отвечает спокойно и тут же переводит тему с нажимом. — Почему ты меня обманула? Это твоя дочь. Я слышал ваш разговор.

— Не твое дело, Федоров, — произношу холодно. — Я тебе уже все сказала.

Он наклоняется к Лизе и смотрит на нее уже по-доброму:

— Лиза, а сколько тебе лет?

— Четыле, — отвечает она, не чувствуя напряжения.

— Вот как... — протягивает Дмитрий и поднимает взгляд на меня.

Его зеленые глаза становятся темными, взгляд тяжелым. Убийственным.

Я невольно делаю шаг назад, сжимая руку дочери.

А в голове гулом стучит только одно: он все понял.

И теперь он не уйдет просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.